

Ирина Поборчая

Пространственно-временная организация поэтического мира Максимилиана Волошина

Studia Rossica Posnaniensia 24, 99-107

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

TIME AND SPACE IN THE POETIC WORLD OF MAXIMILIAN VOLOSHIN

ИРИНА ПОБОРЧАЯ

ABSTRACT. The author of the article analyses Maximilian Voloshin's poetics which are caused by his specific world outlook. In the centre of the article is the investigation of structural formative of artistic space and time in the poetic world of Voloshin.

Ирина Поборчая, Харьковский университет, Кафедра русского языка по обучению иностранных студентов, пл. Независимости 4, Харьков, Украина.

Лирика М. Волошина представляет собой особым образом организованный поэтический мир. Свообразие творческой индивидуальности поэта заключается, в первую очередь, в его философском миропонимании. Принципиально важным для поэтико-философской мысли Волошина было то, что мир рассматривался и оценивался поэтом в глобальных пространственно-временных единицах измерения. Трудно найти в русской литературе другого поэта, в творчестве которого хронотоп играл бы столь решительную роль. Для Волошина он не только определенная система ориентации во времени и пространстве, но и механизм создания единого поэтического целого.

Мир представлялся поэту космическим универсумом, в котором ритмические волны сменяющихся эпох и цивилизаций не затрагивали сущностной, субстанциальной основы мироздания. Взгляд на земную действительность как на частицу огромного космоса определял специфику позиции и местонахождения лирического героя, воспринимающего мир в его единстве и нерасторжимости. И геологические катаклизмы, в результате которых земля приобретает современный облик, и одушевленные поэтом травы, и человеческая история – все это явления одного порядка, кирпичики одного мироздания.

Возможность мысленно охватить все конкретные мгновения единой вечности объясняется точкой обзора, с которой воспринимается мир героем. Большой частью это позиция надстояния, способствующая рассмотрению реальности в пространственной перспективе и временной ретроспекции. Такая позиция нашла выражение во многих произведениях поэта, к числу которых относится стихотворение *Европа*:

Пойми земли меняющийся вид:
 Материков живые сочетанья,
 Их органы, их формы, их названья
 Водами Океана рождены.
 И вот она – подобная кораллу,
 Приросшая к Кавказу и к Уралу
 Земля морей и полуостровов,
 Здесь вздутая, там сдавленная узко,
 В парче лесов и в панцире хребтов...¹

Создание подобного хронотопа было обусловлено поставленной перед собой поэтом задачей. В исследовании творчества Верхарна Волошин писал: „Поэту необходимо создать свое небо, чтобы оттуда судить современность, воздвигнуть свою Вавилонскую башню, чтобы с ее вершины взглянуть на расстилающуюся под его ногами землю”². Хотя это высказывание может быть понято и как метафора, характерно само стремление увидеть явления действительности с высоты обобщения.

Таким взглядом измеряются „ужас ослепшей планеты”, „хребты и мускулы, и связки” Киммерии, „поприща западной тесной земли”, „кипящая магма народов”, „варварский мир современной культуры” и т. п. Не случайно наиболее частотными в поэтическом словаре Волошина являются слова, становящиеся сигналами космогонической картины мира: бездна, древний хаос, мгновение (миг), пламя, огонь, бесконечность (безбрежность), земля, лоно вод, звездные миры (созвездья), пустыня, камень, время, пространство (простор) и т.д.

Застывшая динамика земного пространства для Волошина – форма проявления идеального равновесия сил природы. Все преходящее, но вечно растворено в пространственных субстанциях: „Ветшают дни, проходит человек, Но небо и земля – извечно те же” (с. 333).

Точкой отсчета является для Волошина вневременная субстанция, а смена эпох, цивилизаций – лишь форма ее выражения. Поэтому в соотношении таких категорий, как время и пространство именно последнее приобретает приоритетное значение в творчестве поэта. Отсюда и такие контаминации, как „пространство мгновенья”, пустыни времени” и т.д. „Возлюби просторы мгновенья” так начинается, например, одно из стихотворений Волошина.

Пространство становится у Волошина единцей измерения в описании геологических катаклизмов, в воспроизведении „борьбы племен и смены поколений”. Время как бы „опространивается”. Не случайно и для времени, и для пространства выбирается одна общая единица измерения, что поэтически выражено Волошиным в формулировке „просторы всех веков и стран”.

¹ М. Волошин, *Стихотворения*, Ленинград 1977, с. 253. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

² М. Волошин, *Верхарн. Судьба, творчество, переводы*, Москва 1919, с. 16.

Мерой оценки всех пространственно-временных модификаций в волошинской поэзии становится „эталонное” пространство Киммерии. В литературоведении уже отмечалось моделирующее воздействие восточного Крыма на духовную сущность поэта, на его художественное восприятие мира³. Образы пустыни, скал, каменных валунов приобретают значение определенных единиц измерения. Подобную же роль играют и образы дорог, путей, троп, являющихся связующими звеньями в пространственных перспективах мироздания. Не случайно своего лирического героя Волошин охарактеризовал в точной формулировке „странник и прохожий”. „Пройти по всей земле горящими ступнями”, – такую задачу ставил перед собой поэт. В лирике Волошина образ дороги наделяется топографическими характеристиками и вместе с тем приобретает метафорический смысл, передающий временной оттенок.

Оценка явлений действительности через пространственные категории переносится Волошиным и на восприятие европейского города. Город предстает прежде всего в живописном и скульптурно-архитектурном облике. Отсюда закономерен интерес поэта к готике, как образу скульптурно-пластическому. Причем, объемы церквей и соборов, скульптурные украшения порталов воспринимаются Волошиным прежде всего как громады камней. Таков, например, цикл Руанский собор. На создания рук человеческих переносятся оценки, применимые к нерукотворным природным явлениям. Камень сохраняет для Волошина возможность перехода от одних форм к другим, сохраняет как свое субстанциальное свойство – объемность. Такой взгляд формировался у Волошина именно в пространствах киммерийской земли. Впоследствии сам поэт подчеркивал, что „мысль росла, лепилась и ваялась По складкам гор, по выгибам холмов...” (с. 173). Слова „ваять”, „ваятель”, „зодчий” неоднократно появляются в волошинской лирике.

Пространственный образ изначально возникал у Волошина в объемных, скульптурных формах. Не удивительно, что образ Карадага сравнивается то с „воздымающимся храмом”, то с „рухнувшим готическим собором”, то со скульптурным изображением Самофракийской победы. Описание родных мест несет в себе портретные, антропоморфные, зооморфные образы, словно превращающие горы в скульптурные изваяния:

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках – намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,
Вот холи сомнительный, подобный вздутым ребрам...⁴ (с. 118).

³ См. А. В. Десницкая, *Киммерийская тема в поэтическом творчестве М. А. Волошина*. В кн.: Волошинские чтения. Сб. научных трудов, Москва 1981, с. 45.

⁴ Ср. с описанием Карадага, данным в статье: М. Волошина, *Константин Богаевский*. В кн.: М. Волошин, Лики творчества, Ленинград 1988, с. 316.

Взаимосвязь временных и пространственных характеристик отчетливо выражена в стихотворениях, воссоздающих киммерийские пейзажи. Сам поэт определял жанр этих произведений как исторический пейзаж. „Лицо земли, – писал он в статье *Константин Богаевский*, – складывается геологически, так же, как человеческое лицо – анатомически, и точно так же определяется морщинами, шрамами и ранами, оставленными на нем стихиями и людьми: знаками мгновений. В этом – смысл Исторического Пейзажа”⁵. Следует отметить, что при всех, казалось бы, сугубо конкретных изображениях коктебельских берегов пейзажная лирика Волошина так же, как и его акварельные работы, не является рисунком с натуры, а носит обобщенный характер⁶. Это вполне соответствует волошинскому типу мировосприятия.

Изображая пространство гор, степей, заливов, Волошин старался передать не только статику, но и динамику родных мест. Так через пейзажные, чисто пространственные ориентиры проступают временные критерии развития Карадага от вулкана до скал:

И над живыми зеркалами
Возникнет темная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра (с. 171).

Динамика пространственных образов (костер, но окаменелый) раскрывается в скрытых временных характеристиках (окаменелый, но все-таки бывший костер, разметавшееся пламя прежнего вулкана). Так гора как бы сохраняет геологическую память прошедших тысячелетий. Динамизм свойствен многим поэтическим образам Крыма: „Здесь каждый холм – порыв стесненный” (с. 164). „Напряженный пафос Карадага” запечатлел мрак и тишину остывших недр: „Но спазмами и судорогой страсти Здесь вся земля от века сведена” (с. 329).

Поэтическое воспроизведение меняющегося облика земли было обусловлено свойственными Волошину элементами пантеистического мировосприятия. Природа наделялась человеческими чувствами, страданиями, страстями. Тоскующая полынь приобретала горькую душу, в гранитных скалах поэту виделись надломленные крылья, а под бременем холмов – изогнутый хребет. Поверженным демоном представлялся бушевавший прежде гордый и яростный вулкан. „Земли отверженной застывшие усилья”, запечатленные в стихотворении *Полынь*, отразили и сегодняшнее состояние гор, и память об их прежнем существовании. Сближе-

⁵ М. Волошин, *Константин Богаевский*. В кн.: его же, *Лики творчества*, ук. соч., с. 312.

⁶ См. утверждение самого поэта о том, что его живописные изображения родных мест не являются рисунками с натуры, а „представляют собою музыкально-красочную композицию на темы киммерийского пейзажа”. М. Волошин, *О себе*. В кн.: *Пейзажи М. Волошина*, Ленинград 1970, с. 18.

ние чувств и ощущений, приписываемых окружающей природе и принадлежащих герою, еще раз подчеркивает общность всего земного бытия.

Вместе с тем земная действительность представлялась Волошину частицей вселенских процессов. Специфическая структура хронотопа в волошинской лирике сочетает в себе представления о вечности в ее космической всеобъемлемости и в то же время о конкретном мгновении в ряду непрерывающихся времен. Поэт рисует картины космической обобщенности и одновременно конкретизирует их в земных, единичных образах сухих трав и камней Киммерии. Но и в данном случае единичность, конкретность образа – лишь признак, характеризующий проявление великого, всеобщего. С этой точки зрения в одном ряду для Волошина находятся события (исторического и социального порядка), предметы, геологические изменения, конкретная человеческая жизнь:

Смысл голосов, звук слов, событий звенья,
И запах тел, и шорохи растенья –
Весь тайный строй сплетений, швов и скреп... (с. 152).

Местонахождение человека в этом равновесии всех связей у Волошина не центрально. Не случайно, например, Волошин-художник создает пейзажи без человека. Человек в рамках космологической картины мира лишь один из возможных вариантов воплощения природы, наряду с камнями, травами, животными. Он – мгновенное, ограниченное во времени, частное выражение Праматери-природы, своего рода плесень на вечных хребтах земли: „Здесь, в этих складках моря у земли, Людских культур не просыхала плесень...”, – скажет Волошин в стихотворении *Дом поэта*⁷ (с. 330). А в философском цикле *Путями Каина* роль человека в окружающем мире будет осмыслена как отрицательная, разрушающая равновесие сил в природе.

Человек в волошинском восприятии оценивается в системе пространственно-временных координат. Поэтому даже упоминание конкретных исторических личностей не преследует цели индивидуализации. Исторические лица, как и мифологические образы в поэзии Волошина – лишь знак всеобщности, поднявшейся над частностью. Гомеровские герои, Степан Разин, Дметриус-император, повторяющийся в различные эпохи, – все это лишь знаки, символы проявления определенных субстанциальных сил.

Увлечение Волошина в молодые годы буддизмом, масонством, теософией, названное поэтом впоследствии „блужданиями духа”, способствовало формированию представлений о преходящем характере каждой

⁷ Ср. с рассуждениями о „жгучей человеческой плесени” в статье: М. Волошин, К. Ф. Богаевский – художник Крыма. В каталоге: Константин Федорович Богаевский, Казань 1927, с. 10.

отдельной ипостаси и о повторяемости человеческого преосуществления в земной бытии: „Все мы уж умерли где-то давно... Все мы еще не родились” (с. 76).

В своей статье *Запад и Восток Максимилиана Волошина* И. С. Смирнов справедливо характеризует особенность взглядов Волошина „на человеческую жизнь как на бытие, разлитое в космическом времени и лишь на мгновение воплощенное здесь и сейчас в земной оболочке”⁸.

Непрерывная цепь человеческих воплощений и случайность любой частной, данной, „этой” реализации человеческого „я” – такова философская основа четвертого стихотворения цикла *Когда время останавливается*. Традиционно в литературоведении смысл этого произведения сводят к отмежеванию Волошина от символистских кругов русской интеллигенции: „В вашем мире я – прохожий, Близкий всем, всему чужой” (с. 78). На самом деле стихотворение это неизмеримо глубже. В нем нашли выражение философские размышления поэта.

Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил – (с. 78)

это не столько социально-исторические сочетания определенных жизненных событий, сколько прежде всего некие космические изменения природы, повлекшие за собой отделение от материи-земли какой-то ее частицы, воплотившейся, как выразил это сам Волошин, „в отдельном и мужском”.

С высоты этой непрерываемой связи с вечностью, с позиции существа, чувствующего „единость” всего сущего, оценивается мир людей:

Ваши детские понятия
Смерти, зла, любви, грехов –
Мир души, одетый в платье
Из священных лживых слов (с.79).

Символизм в данном случае для Волошина явление, наиболее характерно выразившее посюсторонность человеческих исканий, размышлений, неспособных уловить „разрывы тканей в вечном кружеве минут”. Между тем каждое конкретное отделение от „единого” и воплощение человеческого „я” в некоем, например, „отдельном и мужском” и происходит как „разрыв тканей” неделимой мировой субстанции. Именно с точки зрения вечности и бесконечности смерть, зло, любовь – наиболее существенные измерения человеческого мира, – и могут быть представлены

⁸ И. С. Смирнов, „Все видеть, все понять...” (*Запад и Восток Максимилиана Волошина*). В кн.: Восток – Запад. Исследования, переводы, публикации, Москва 1985, с. 179.

как „детские понятия”. Лирическому герою потому и кажется „так радостно и ново Все обычное для вас”, что он ощущает себя представителем совершенно иного мира, мира, в котором царствует „вечность с жгучей пустотою Нерозгаданных чудес...” (с. 79).

Понятие вечности одно из важнейших в философском универсуме Волошина. Образ вечности, сотканной из бесконечного множества индивидуализированных мгновений, проходит через всю волошинскую поэзию. Даже земные пейзажи даны у него сквозь призму вечности: „пустынные гексаметры волны” тысячелетиями бьют в берега „земли глухой и грешной”, над которой миллиарды лет „теплятся лампы Семизвездья”.

Земля, лоно вод, звездные скопления – все эти образы являются для Волошина составными частями вечности, бездны миров. Лирический герой – одно из земных проявлений космоса, своеобразный микрокосм. Он представляет собой глаза родной земли, уста, способные выразить ее страдания (см. стихотворение *Пустыня*, входящее в состав цикла *Киммерийские сумерки*). Сыновность по отношению к матери-природе – одна из основных характеристик человека в поэтическом мире Волошина. „Из всех узлов и вязей жизни – узел сыновности и материнства – он теснее всех и туже напряжен” (с. 238) – эту истину способен был осознать лишь тот, кто „понял Ужас ослепшей планеты, Сыновность свою и сиротство...” (с. 193).

Ощутить ужас планеты в несущихся космических мирах, как бы пережить ее чувства и страдания – такую поэтическую задачу решает Волошин в своей лирике:

Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и вomezдья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья (с. 108).

Умение проникнуться осознанием собственной принадлежности вечному, космической бездне – характерная черта волошинской концепции мира. Образ бездны довольно часто возникает в его поэзии. Причем, слово бездна утрачивает в представлении поэта первичное значение бездонной пропасти, обрыва, но приобретает традиционное для русской поэзии значение бесконечной во времени и пространстве мировой субстанции:

Из бездны хаоса, сквозь огненное море
В пещеры времени влечет водоворот⁹.

Это та же „бездна звезд полна”, которая возникает в поэзии Ломоносова, Державина, Тютчева. Представление о человеке как бесконечно

⁹ М. Волошин, *Стихотворения, 1900-1910*, Москва 1910, с. 76.

малой части вселенского проявления природы в определенной мере развивает давнюю поэтическую традицию русской философской лирики. Но поэтическая концепция человека у Волошина оригинальна уже хотя бы потому, что включает в себя мысль не только о естественной природности человека, но и о его историческом проявлении, которое в то же время является фрагментом космического универсума.

История цивилизаций была осмыслена Волошиным как единый процесс существования человечества. Конкретизация примет времени осуществлялась через предметный мир:

Каких последов в этой почве нет
 Для археолога и нумизмата –
 От римских блях и эллинских монет
 До пуговицы русского солдата! (с. 330).

Предметный срез давал возможность представить прошлое человечества через историко-культурные реалии. Волошиным выбираются такие предметы-сигналы, которые передают наиболее характерные, типичные особенности прошедших эпох, связывая воедино мифологические образы, исторические и культурные события. Странствия Одиссея в киммерийских пространствах, скрытые глубоко в земле черепки милетских ваз, скифские стрелы, венецианские украшения – все это создает образ единого, непрерывного исторического процесса, смены цивилизаций на древней земле восточного Крыма.

История предстает со страниц волошинской лирики как единый, целостный процесс. Поэтому резким контрастом к привычным представлениям об истории человечества становится образ мира, охваченного „ужасом разъявшихся времен” (с. 215), который появляется в поэзии Волошина в годы первой мировой войны. Разорванная цепь времен в философском цикле *Путями Каина* будет рассмотрена как путь развития человечества, ведущий к разрушению и самоуничтожению.

Космический, планетарный взгляд на социально-исторические явления обусловил и своеобразное понимание революционных событий, стремление поэта „быть не с одной стороны, а с обеих”, „постигать целокупность” всех происходящих в мире процессов. Первоначальная позиция Волошина: „молюсь за тех и за других”, выраженная в стихотворении *Гражданская война*, была вызвана именно таким космическим восприятием единой мировой цепи событий, в которой революция рассматривалась в качестве одной из многочисленных усобиц. Не случайно в стихотворении *Дикое поле* появилась мысль о том, что „все, что было, повторится ныне”.

Вместе с тем новизна свершающихся в России событий корректировала взгляды Волошина. В стихотворении *Из бездны* причины революции

объясняются тем, что „времен исполнилась мера”, возникает новая точка отсчета исторического развития.

Послереволюционное творчество Волошина поражает читателя своей новизной. В его основе лежит прежде всего непредвзятость оценки происходивших событий, стремление поэта отобразить с предельной объективностью те исторические катаклизмы, свидетелем которых он стал¹⁰. Но и в поздний период своего творчества Волошин оставался неизменно верен своему поэтическому взгляду на мир. Осмысляя свершавшиеся процессы, поэт видит в „большом и в малом Водовороты комет...”, рассматривает историческую эпоху сквозь призму своего космического мироощущения. Такой подход позволял взглянуть на революционные процессы с точки зрения исторической преемственности как на „расплавленные годы народных битв и мятежей” (с. 206).

В сложное время тектонических сдвигов истории Волошин создал трагический образ поэта, находящегося „в ревушем пламени и дыме”, в самом центре событий. Поэт видит свою миссию прежде всего в том, чтобы сохранить для потомков свидетельства этого страшного и великого времени:

Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций...¹¹

Обобщенно-исторический взгляд на события, взгляд с точки зрения вечности роднит послереволюционную поэзию Волошина с его ранней лирикой.

Подводя итоги своим многолетним размышлениям о месте художника в обществе, в программном стихотворении *Подмастерье* Волошин формулирует свое понимание сущностной основы подлинного творчества: Мастером, с его точки зрения, может стать лишь тот, кто осознал, что он „не сын земли, Но путник по вселенным...”, несущий „Вселенную Свободы и Любви”. Такая позиция и была отражена в поздней поэзии Волошина, направленной против насилия, кровопролития, призывающей к гуманизации человеческих отношений в обновленной России.

¹⁰ Об историко-философских взглядах Волошина см.: Л. К. Долгополов, *Волошин и русская история*, „Русская литература” 1987, № 4, с. 168-175.

¹¹ М. Волошин, *Избранные стихотворения*, Москва 1988, с. 237.